XLIV г.—1905 г.

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Еженедѣльное изданіе.

№ 10. Воскресеніе, 6 марта.

Къ свѣдѣнію сотрудниковъ.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятыя для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

—

Часть неоффиціальная.

Современная жизнь русскаго народа и пастырскій долгъ духовенства.

Господь продолжаетъ испытывать наше отечество. Наша армія потерпѣла новое и весьма тяжкое пораженіе отъ врага. Внимательно наблюдающіе и хорошо знающіе общественную жизнь нашу люди положительно утверждаютъ, что въ этомъ пораженіи нашей арміи не неповинны и мы всѣ, все наше общество, особенно образованное. Вина наша заключается въ томъ, что мы вмѣсто того, чтобы помнить о нашей арміи, поддерживать ее нашимъ вниманіемъ и сочувствіемъ, совершенно почти забыли о ней, равно какъ и о тяжкой войнѣ, которую вынуждено вести наше государство. Вмѣсто того, чтобы, подобно врагу нашему, заниматься главнымъ образомъ и преимущественно войною, мы стали домогаться своихъ правъ, кричать о своихъ, часто поразительно мелкихъ и ничтожныхъ интересахъ, начали всѣхъ и все порицать и осуждать, или же просто приходили въ состояніе какого-то изступленія, устраивали разные безпорядки, прекращали занятія, предъявляли разныя требованія,—словомъ, вели себя такъ, точно мы, а не наша армія, находились въ

смертельной опасности, стояли лицомъ къ лицу предъ врагомъ. Все это, дѣйствительно, могло и должно было отражаться извѣстнымъ образомъ и на состояніи нашей арміи и на ея успѣхахъ...

Справедливость требуетъ сознаться, что не неповинны въ такомъ поведеніи нашего общества и мы, члены и представители русскаго православнаго духовенства. Изъ нашей среды,—хотя и не нашъ онъ,—вышелъ священникъ Гапонъ, „кровожадный" революціонеръ и бунтовщикъ... Нашлись и находятся среди насъ и такіе священники—фельетонисты, романисты и публицисты, которые на перебой съ свѣтскими товарищами по ремеслу стали кричать о безпорядкахъ и неустройствѣ въ церкви нашей, въ быту нашего духовенства, начали бранить, осуждать, порицать бѣдное наше духовенство, оплевывать его, и безъ того уже все забросанное грязью... Не отрицаемъ, что безпорядки и неустройства могутъ быть вездѣ... Но такое ли теперь время, чтобы объ этомъ кричать, когда рѣшается судьба государства нашего, быть можетъ, на многіе вѣка? Дошло, наконецъ, дѣло до того, что даже, если вѣрно сообщеніе печати, псаломщики наши, по примѣру свѣтскихъ разныхъ корпорацій, стали обращаться къ правительству съ петиціями, между прочимъ, *объ установленіи очереди служенія въ храмѣ* (точно храмъ—управленіе какое, или канцелярія) и *о вѣжливомъ обращеніи священниковъ съ ними*... Удивляться возникновенію всѣхъ подобныхъ явленій въ нашей средѣ не должно. Наша семья—велика. А въ семьѣ не безъ урода.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неудачное для насъ теченіе войны будетъ сопровождаться тяжелыми послѣдствіями въ общественной жизни нашего народа. Возможны теперь и народныя волненія. Глухіе и страшные отголоски послѣднихъ уже и нынѣ слышатся. Возможны теперь и другія подобныя бѣдствія...

Такое состояніе современной общественной жизни нашего народа громко напоминаетъ намъ—пастырямъ—о нашемъ

святомъ пастырскомъ долгѣ. Мы—руководители и учители народа, поставленные на то отъ Бога и людей. Высшая церковная власть наша призываетъ насъ къ усиленію нашего живого пастырскаго слова и дѣйствованія. Со всею ревностію, съ полнымъ сочувствіемъ и съ самымъ горячимъ усердіемъ должны мы откликнуться на этотъ призывъ. Но какъ намъ, пастырямъ, лучше всего, цѣлесообразнѣе всего дѣйствовать въ настоящее время для успокоенія и умиротворенія нашего народа?

Среди насъ есть старшіе братья, уже собственными глазами видѣвшіе и, быть можетъ, даже непосредственно испытавшіе на себѣ тяжелыя событія жизни и условія пастырства, подобныя настоящимъ. Пусть они подѣлятся съ нами своимъ опытомъ и своими наблюденіями. Ниже печатается статья достопочтеннаго о. протоіерея К. І. Ѳоменко, содержащая въ себѣ подобныя именно цѣнныя указанія. Пусть и другіе современники нечальныхъ событій 50-хъ и 60-хъ годовъ прошедшаго столѣтія подѣлятся съ нами своими наблюденіями.

Съ своей стороны, мы можемъ и должны совѣтовать нашимъ собратіямъ, прежде всего, усилить возможно болѣе свое пастырское учительное слово. Наступаетъ время великаго поста, какъ нельзя болѣе благопріятное для этого. Во время поста, говѣнія, покаянія нашъ народъ бываетъ особенно воспріимчивъ къ пастырскому слову и воздѣйствію. Народъ нашъ теперь болѣе всего нуждается въ успокоеніи и утѣшеніи. Въ теченіе многихъ вѣковъ народъ нашъ пріучился искать душевнаго утѣшенія въ своихъ несчастіяхъ прежде всего и болѣе всего въ вѣрѣ. Подавайте, отцы и братія, ему щедрою рукою это утѣшеніе! Не столько обличайте и осуждайте, сколько успокоивайте и утѣшайте мятущуюся душу нашего добраго, довѣрчиваго, богобоязненнаго народа!

Въ настоящее тяжелое и опасное время пастырямъ церкви необходимо являть народу особенную любовь свою къ

нему. Рѣзкое, а тѣмъ болѣе грубое обращеніе, даже малѣйшій намекъ на какое либо панское отношеніе къ народу теперь особенно неумѣстны, нежелательны и даже небезопасны. Теперь необходимо намъ быть особенно внимательными къ запросамъ и требованіямъ нашей паствы. Даже къ излишнимъ и неумѣреннымъ, какъ намъ казалось бы, требованіямъ народа, даже къ обидамъ и оскорбленіямъ мы теперь должны быть особенно терпѣливы и снисходительны. Глубочайшее смиреніе, терпѣніе, незлобіе, всепрощеніе и самоотверженная любовь къ своему долгу должны теперь служить главными основаніями пастырскаго авторитета. Счастливъ будетъ тотъ пастырь, который въ наше время сохранитъ за собою уваженіе и любовь своей паствы! Особенно дѣйственно и плодотворно будетъ слово такого пастыря! Вообще отъ пастыря церкви теперь требуется особенная осторожность и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и во всемъ поведеніи.

Инымъ изъ насъ, быть можетъ, придется и претерпѣть, какъ терпѣли наши предки и наши старшіе братья. Но да не закрадется въ наше скорбное сердце уныніе! Будемъ и сами терпѣть и другихъ учить терпѣнію! Будемъ помнить, что претерпѣвый до конца и самъ спасется и другихъ спасетъ!

Къ вопросу о томъ, какъ относиться духовенству къ злободневной дѣйствительности?

Справка изъ періода Севастопольской войны.

Не задаваясь цѣлію рѣшать поставленный вопросъ во всемъ его объемѣ, я почелъ не лишнимъ, въ виду современнаго настроенія нашего общества и, въ частности, сельскаго населенія, дать краткую справку о томъ, какъ во время Севастопольской войны относилось духовенство *Кіевской епархіи* къ народнымъ волненіямъ.

Войны и опустошительныя эпидеміи почти всегда вызываютъ движенія массъ. Были такія волненія и во время Се-

вастопольской войны. Отъ сельскаго духовенства требовали тогда помѣщичьи крестьяне (это было еще время „крѣпостничества"), прочтенія „*Золотыхъ грамотъ*" о передѣлѣ земли. Нѣсколько священниковъ Кіевской епархіи пострадали тогда *даже до крове* изъ-за этихъ вымышленныхъ „*Золотыхъ грамотъ*"... Въ общемъ пастырскомъ собраніи, въ домѣ Кіевскаго религіозно-просвѣтительнаго Общества, 5 ноября 1904 г., подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Платона, духовенство предполагало—не миновать бѣдѣ и теперь и *твердо* заявило, что оно, духовенство епархіи, готово и теперь пострадать за вѣру, царя и отечество. Это была „исповѣдническая" минута собранія.

Не нашъ вопросъ—кто во время Севастопольской войны распространялъ въ народѣ вымышленные слухи о „Золотой грамотѣ". Не нашъ вопросъ и о томъ, кто и теперь способствуетъ возбужденію народа. Несомнѣнно, какъ заявилъ одинъ докторъ психіатръ, въ настоящее время наше общество эпидемически заражено психопатическимъ гипнозомъ. Мы переживаемъ эпоху великаго перелома. Что могутъ создать великаго и добраго психически больные?...

Во время Севастопольской войны я былъ воспитанникомъ семинаріи (нѣсколько человѣкъ изъ моихъ товарищей добровольно стали въ ряды войскъ и пошли на защиту Севастополя). Юношескій періодъ свѣжъ, воспріимчивъ и впечатлителенъ. Я и до настоящаго времени хорошо помню тревожную исторію съ „Золотыми грамотами", тѣмъ болѣе, что это дѣло принесло много скорбей и нѣкоторымъ моимъ близкимъ родственникамъ, священствовавшимъ тогда въ Кіевской епархіи (пишу эту „справку" по памяти). Какой-то злой человѣкъ внушилъ крестьянамъ, что священники „скрыли „*Золотыя громоты*" подъ престоломъ". Были ли случаи покушенія со стороны крестьянъ святотатственно проникать въ нерушимость престола,—утверждать не рѣшаюсь. Тогда еще въ деревняхъ штундистскихъ тенденцій не было. Кажется, единичные случаи розыска грамоты подъ престоломъ

имѣли мѣсто. Это—исключенія. Но слѣдующіе случаи я помню, по разсказамъ семейной хроники. Приходитъ „громада" къ приходскому своему пастырю и настойчиво требуетъ прочтенія въ церкви „Золотой грамоты" о передѣлѣ всей земли, т. е. и помѣщичьей и крестьянской, между населеніемъ прихода. „Такой грамоты не существуетъ", отвѣчаетъ священникъ. „Она у васъ скрыта подъ престоломъ", кричитъ народъ. Священникъ отрицаетъ этотъ вымыселъ. Священника связываютъ веревкой и толпой ведутъ къ рѣкѣ. Вводятъ въ воду по плечи. „Прочтешь грамоту,—выведемъ изъ воды, не прочтешь—утопимъ". И дѣлаютъ опытъ потопленія. Добрые люди спасли своего пастыря. Этотъ священникъ былъ настоятелемъ церкви одного села въ Сквирскомъ уѣздѣ. Имя его о. Василій Сикорскій. Позже онъ былъ переведенъ на настоятельское мѣсто при соборѣ въ г. Звенигородкѣ. Здѣсь онъ мирно и почилъ о Господѣ. Сынъ о. В. Сикорскаго былъ мой товарищъ по семинаріи. Въ настоящее время мой товарищъ о. В. В. Сикорскій, въ санѣ протоіерея, занимаетъ мѣсто настоятеля въ м. Копыловѣ, Кіевскаго уѣзда. Надѣюсь, онъ не опровергнетъ моихъ скорбныхъ словъ о тяжкихъ испытаніяхъ его досточтимаго родителя. Другого священника возмутившіеся крестьяне повлекли въ яму, изъ которой выкапывали глину, и, втолкнувъ его по поясъ въ жидкій растворъ глины, требовали прочтенія „Золотой грамоты". Этотъ „страстотерпецъ" недолго жилъ послѣ такого тяжкаго испытанія. Фамиліи его я не могу теперь припомнить. Но, по всей вѣроятности, въ епархіи есть его родные и близкіе, которые знаютъ сего пастыря церкви. Священника с. Полствина, раздѣвъ до нага, влачили по колючимъ растеніямъ (чертополоху) на выгонѣ села.

Самое многолюдное народное движеніе во время Севастопольской войны было въ древнѣйшемъ поселкѣ Кіевской области—мѣстечкѣ Корсуни, основанномъ, по преданію, еще великимъ княземъ Ярославомъ Мудрымъ. Въ Корсуни и тогда священствовалъ о. Андрей Лебединцевъ. Владыка-митропо-

литъ Арсеній послалъ въ Корсунь „для увѣщанія" мятущихся *обывателей* „Корсунскаго староства" брата о. А. Лебединцева—извѣстнаго въ епархіи протоіерея о. Петра Лебединцева. Спокойствіе водворено; жертвою палъ только одинъ унтеръ-офицеръ, заслонившій собою жандармскаго полковника Аѳанасьева, на котораго съ топоромъ бросился изъ толпы одинъ вожакъ народной массы. Въ „Корсунскомъ староствѣ", составлявшемъ обширныя владѣнія князя Лопухина, была тысячная толпа заволновавшагося народа...

Народный дозоръ во время Севастопольской войны не проходилъ мимо и *дѣтей духовенства.* Я помню, какъ возвращаясь въ Кіевъ съ моими родственниками, сверстниками по школѣ, послѣ праздника Пасхи, мы, на отсталыхъ лошадяхъ, довольно поздно въѣхали въ одну попутную деревню. Насъ окружилъ деревенскій „обходъ", съ кольями въ рукахъ. Такое было вооруженіе. „Кто ѣдетъ? поповичи? Показывайте билеты?"—Изъ сосѣдней избы принесли огонь. Обходъ былъ необученный грамотѣ... „Смотри на печать"—сказалъ одинъ изъ „обхода". Наши билеты были въ исправности. Помню, что многіе товарищи мои жаловались, послѣ пасхальнаго отпуска къ родителямъ, на задержки въ пути.

Какъ-же относилось тогда мѣстное духовенство къ злобо-дневному движенію народа?—Въ высшей степени *благоразумно и тактично.* Пастырскій *священный долгъ*, а не адвокатура и исканіе популярности, былъ поставленъ на первомъ мѣстѣ. Типъ Гапона тогда былъ невозможенъ, немыслимъ. И теперь духовенство Россійское единогласно утверждаетъ: Гапонъ *не отъ насъ изыде, и не бѣ отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19). Правда, въ интеллигентномъ отношеніи духовенство 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія было гораздо ниже современнаго духовенства, но въ исполненіи долга службы было въ высшей степени корректно, *осмотрительно* и осторожно. Тогда духовенство было еще *цѣльное* сословіе. Взаимныя отношенія сопастырей были искреннія и благожелательныя. Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ сосѣдъ дружественно

спрашивалъ сосѣда,—какъ поступить? Въ вопросахъ *совѣсти* спрашивали духовниковъ, спрашивали болѣе опытныхъ сослуживцевъ.

Протоіерей *Кл. Ѳоменко.*

Къ вопросу о „выборѣ священника".

Тяжело, безъ сомнѣнія, разбираться въ жизненныхъ вопросахъ, особенно, если вопросы эти прошли и свою исторію, и нажили свои традиціи. Нелегокъ, поэтому, для рѣшенія и вопросъ о „выборѣ священника", поставленный въ необычной для него формѣ. Его statu quo,—можетъ быть, есть и дѣйствительно его лучшая, послѣдняя, жизненная стадія,—но также, можетъ быть, по современнымъ требованіямъ, и нуждающаяся въ нѣкоторыхъ жизненныхъ улучшеніяхъ. Взгляды во всякомъ случаѣ расходятся. А это и говоритъ, что самый вопросъ требуетъ, по меньшей мѣрѣ, уясненія и отзывчиваго къ себѣ вниманія.

Отъ души хотѣлось бы вѣрить искреннему отношенію всѣхъ и каждаго къ поставленному вопросу. Онъ, безспорно, настолько великъ и важенъ, первѣе всего, въ нашей собственной жизни, что прикасаться къ нему по-истинѣ нужно и осторожно и благоговѣйно. Но слѣдуетъ ли отсюда, что и совсѣмъ не нужно прикасаться къ нему? Разумѣется не слѣдуетъ. По своему существу, вопросъ о „выборѣ священника", повидимому, совершенно спеціальный вопросъ внутренней духовной политики. Но вотъ—изволите-ли видѣть—свѣтское общество первое выдвигаетъ его на очередь, первое же указываетъ и его усовершимость. Какъ понять это указаніе? Изъ какихъ побужденій вытекаетъ оно? Почему именно въ данную пору, когда жизнь такъ запуталась и осложнилась, потребовалось это указаніе? Или и въ самомъ дѣлѣ пора эта настояще-подходящая, нужная пора? Хотятъ, вѣдь, ни больше ни меньше, какъ возвысить личность священника, ис-

пользовать его истинное назначеніе: чего же, строго говоря, и лучше?

Понятно отсюда, что всякая живая и искренняя мысль, высказанная въ уясненіе вопроса, должна послужить своему истинному назначенію. Однако же и фактическая сторона вопроса, какъ она исподоволь проявляется на аренѣ той же жизни, по нашему глубокому убѣжденію, не должна быть игнорируема. Всякій фактъ, самъ по себѣ, есть уже осуществленіе извѣстной мысли, проведеніе ея чрезъ самую жизнь. Очныя ставки ихъ должны быть очень любопытны. Немудрено, напр., сказать, что нашъ мужичекъ (прихожанинъ нашъ) способенъ за водку продать кого и что угодно; можно блазниться, что при выборахъ своихъ должностныхъ лицъ, и въ частности своихъ старостъ церковныхъ, онъ галдитъ и партійничаетъ Но гдѣ же нѣтъ сего? И какой парламентъ не повиненъ въ семъ? И тотъ же мужичекъ, въ концѣ концовъ, выбираетъ нужныхъ лицъ, и лица эти чаще всего оправдываютъ его выборъ!.. Легко бросать и укоръ, что онъ падокъ на водку. Но почему не сказать, зачѣмъ эта водка, и притомъ въ такіе моменты, подносится ему? Какой смыслъ получаетъ она въ такихъ случаяхъ? Невыносимо больно представлять, что любой чиновникъ, а то и цѣлое присутствіе, принимая просителя, главнымъ образомъ всматривается не въ его нужду, которая иногда бываетъ вопіющая, а въ его дырявый карманъ, въ которомъ хранится его полтина, даже камердинеръ присутствія и тотъ норовитъ сорвать съ просителя хоть пятакъ: такова общая традиція! Что мудренаго, если и мужичекъ перенимаетъ панскія рѣчи и выражаетъ ихъ по своему, на своемъ жаргонѣ? Примѣръ такъ заразителенъ! Зараза такъ сильна! И намъ ли не видѣть всего этого, когда оно совершается такъ явственно на нашихъ глазахъ?...

Я и рѣшаюсь передать здѣсь истинный фактъ изъ моей собственной жизни, который, какъ мнѣ кажется, можетъ достаточно иллюстрировать нѣкоторыя стороны вопроса. Не ду-

маю, чтобы онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ,—почему и приглашаю высказаться другихъ. Время прошло не слишкомъ отдаленное, когда многіе и приходскіе, и судебные вопросы рѣшались простымъ запросомъ крестьянъ—довольны ли они своимъ священникомъ, или нѣтъ? Это было своеобразное время. „Право" крестьянъ, какъ оно понимается de jure, едва ли стояло на твердой почвѣ, но de facto совершались такія явленія, которыя могли наглядно рисовать своего рода дѣйствительные „выборы священника". Вносилась, правда, особенная черта въ эти „выборы",—это какъ бы завѣдомая судимость священника и отсюда, какъ бы нѣкоторая судейская роль выборщиковъ; но это только обостряло отношенія и давало положенію еще болѣе интенсивный характеръ, со всѣми жизненными аксессуарами, такъ присущими средѣ. Вотъ то, что случилось со мною.

Назначенъ я былъ въ Бузовскій приходъ при обстоятельствахъ, далеко не утѣшавшихъ меня. Бузовка почти 5 лѣтъ считалась сиротскимъ приходомъ и сирота-кандидатъ обучался въ семинаріи. Наблюдающій приходъ, во все время своего наблюденія, не только дѣлился съ матерью кандидата приходскими доходами и половиною жилого священническаго дома, но и прямо былъ обязанъ подпискою—уступить приходъ сиротѣ, коль скоро тотъ окончитъ курсъ. И вотъ, сирота оканчиваетъ курсъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, а мнѣ предоставленъ приходъ въ іюнѣ. Борьба естественно предполагалась и неизбѣжной и упорной. Я не могъ обольщаться и готовился къ ней. И первѣе всего,—я не спѣшилъ на приходъ, разсчитывая, что броженіе начнется немедленно;—почти мѣсяцъ я не являлся на приходъ. Къ моему появленію дѣйствительно послѣдовало уже и заявленіе, что я будто бы отказался отъ прихода, и жалобы отъ прихожанъ, просившихъ назначить къ нимъ пастыремъ сироту, а меня удалить, такъ какъ они слышали обо мнѣ много худого, а ихъ собственный воспитанникъ напротивъ долженъ представить изъ себя единственнаго въ своемъ родѣ пастыря. Первыя мои приходскія впечат-

лѣнія были не изъ худшихъ; враждебно заявилъ себя съ перваго же разу церковный староста, который, очевидно, привыкъ уже къ роли безконтрольнаго хозяина церкви и съ новымъ режимомъ свыкался неохотно. Положеніе однако выяснялось: кандидату не сидѣлось, онъ пустилъ въ ходъ всѣ возможныя въ его положеніи средства; и крестьяне, въ обыденныхъ отношеніяхъ сдержанные и почтительные, формально, въ своихъ прошеніяхъ, требовали моего удаленія; жалобы на меня періодически правильно чередовались и возросли до crescendo, когда жалобщики писали, что они всѣ обратятся въ штунду, если имъ не дадутъ просимаго пастыря, а меня не удалятъ. Даже жутко было на душѣ отъ такихъ жалобъ, особенно если принять во вниманіе, что всякая жалоба вызывала разслѣдованіе и приходскую сумятицу. Я видѣлъ всю подпольную работу, относился къ ней терпѣливо, строго-настрого слѣдилъ за собой и былъ внимателенъ къ исполненію своихъ обязанностей. Жалобы и проносились только внѣшними непріятностями. Крестьяне натолкнулись, кромѣ того, на обстоятельство совершенно новое для нихъ: я оказался безусловно трезвымъ, и это произвело на нихъ особенное впечатлѣніе.

Въ такомъ положеніи находились дѣла мои около трехъ лѣтъ; буря, наконецъ, какъ-бы затихла и кандидатъ тоже какъ-бы угомонился. Онъ самъ принялъ священство, получилъ приходъ и почти полгода не являлся къ мѣсту службы. Какъ оказалось послѣ,—это была новая стратегія. Благочинный, вслѣдствіе долгой безпричинной неявки новаго священника на приходъ, обязанъ былъ донести о семъ начальству, а последнее отстранило его и совсѣмъ отъ прихода. Явилась последняя просьба моихъ прихожанъ—дать имъ священникомъ ихъ несчастнаго сироту, который въ настоящее время *кстати* и безъ прихода, а меня все-таки удалить отъ нихъ. Бѣлыя нитки шитья слишкомъ явственно бросились въ глаза. И вотъ въ это же именно время получено распоряженіе—„благочинническому совѣту въ полномъ составѣ, при граждан-

скомъ депутатѣ, поѣхать на мѣсто и допросить крестьянъ,— согласны ли они, чтобы я оставался у нихъ священникомъ, или нѣтъ". Мѣра выходила чрезвычайная. Я не обольщался,— но съ тѣмъ вмѣстѣ, совѣстію завѣряю, что не только не пустилъ въ ходъ водку, или другую подобную мѣру, но и не подумалъ о семъ... Въ свое время „плебисцитъ" совершился самымъ формальнымъ образомъ, и крестьяне, къ немалому удивленію всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, единогласно высказывались въ мою пользу, исключая двухъ шинкарей.

Не мнѣ самому, очевидно, дѣлать выводы изъ приведеннаго факта; подождемъ къ тому и новыхъ свѣдѣній. Но духъ мой не можетъ умолчать, что всякій рѣзкій упрекъ по адресу обладателей выборнымъ правомъ въ потерѣ даже „совѣсти, разума и правды", при достиженіи ими своей цѣли на выборахъ, есть, по меньшей мѣрѣ, горькое слово, не согласное съ евангельскимъ духомъ; здѣсь и опытъ будетъ скорѣе односторонен и близорукъ, нежели полонъ снисходительно-добраго уваженія къ чужому мнѣнію, столь нужному въ жизни и столь необходимому преимущественно въ нашей средѣ. Всякіе парламенты представляются обыкновенно величайшими образцами свободно-выборной системы: и сколько, однако, мерзостей совершается въ нихъ! И, съ другой стороны, при всѣхъ административныхъ назначеніяхъ и перемѣнахъ развѣ идетъ не та же система подвоховъ, партійности, кумовства и „протекцій"? Что мудренаго, если и слабый „крикунъ" схода есть только своеобразная „протекція"? Кажется, можно бы думать, что жизнь вездѣ и при всякихъ положеніяхъ развивается по однимъ законамъ. И какъ необходимо во многихъ случаяхъ, для правильнаго рѣшенія дѣлъ, хорошая аналогія вещей! Во многихъ случаяхъ, какъ и въ нашемъ вопросѣ, мы прежде всего готовы опираться на историческую справку; справка дѣйствительно и бываетъ иногда очень полезной. Но представляетъ ли и самая справка что-либо рѣшающее, обязательное? Не думаю. Справка, какъ и приведенный фактъ, даетъ только образецъ, жизненное указаніе

того, какъ можно и слѣдуетъ оріентироваться среди извѣстныхъ обстоятельствъ жизни, но предусмотрѣть все она не можетъ. Явленія жизни и не бываютъ тождественны, такъ какъ жизнь не стоитъ. Отсюда, когда желаютъ, на основаніи исторической справки, возсоздать старое явленіе, каково и „выборъ священника", точная „копія" здѣсь не примѣнима, а почему и наводитъ свои страхи. Новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ, хотя рѣчь все-таки идетъ о винѣ и мѣхахъ.

Свящ. *Серапіонъ Подгаецкій.*

Миссіонерскій отдѣлъ.

Суббота или воскресеніе? [1])

Слово вразумленія штундистамъ-субботникамъ.

III.

Почему православные христіане празднуютъ воскресеніе, а не субботу?

Просите вы бр., указать основанія изъ слова Божія, что на служеніе Богу нужно посвящать день воскресный, а не субботу. Внимайте!.. Мы, православные христіане, слѣдуя примѣру и преданію св. апостоловъ, посвящаемъ на служеніе Богу день воскресный потому, что въ этотъ день воскресъ изъ мертвыхъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Воскресеніе Христово даетъ все значеніе и всю силу нашей вѣрѣ во Христа. Мы вѣруемъ, что воскресеніемъ Своимъ Христосъ истребилъ смерть, сокрушилъ врата адовы, уничтожилъ власть діавола надъ родомъ человѣческимъ, отверзъ намъ врата рая, сдѣлалъ свободнымъ для насъ входъ въ царствіе небесное, даровалъ надежду на наше общее воскресеніе и вѣчно-блаженную жизнь. Что можетъ быть дороже всего этого для христіанина? Посему, какой день можетъ быть священнѣе для него того дня, въ который дарованы ему всѣ

[1]) Для произнесенія въ приходахъ зараженныхъ субботствомъ.

эти блага? А всѣ эти блага дарованы намъ, христіанамъ, воскресеніемъ Христовымъ, значитъ въ день воскресный.

И можно ли сравнить съ этимъ священнымъ днемъ ветхозавѣтную субботу!.. Субботу Господь повелѣлъ посвящать на служеніе Ему, въ воспоминаніе о шестидневномъ твореніи Имъ міра. Она должна была напоминать человѣку о томъ великомъ благѣ, какое Творецъ даровалъ ему, призвавъ его отъ небытія къ бытію. Благо—по-истинѣ великое. Но это великое благо сохраняло всю свою цѣну до паденія человѣка: съ паденіемъ же его, можно сказать, совсѣмъ утратило ее. Когда человѣкъ подпалъ проклятію Божія, когда онъ лишился райскаго блаженства, сталъ рабомъ діавола, подвергся всѣмъ бѣдствіямъ жизни, болѣзнямъ и смерти, когда и по смерти ожидало его вѣчное томленіе въ узахъ ада, когда люди вынуждены стали проклинать день своего рожденія: можно ли сказать, что призваніе человѣка отъ небытія къ бытію, что дарованіе ему жизни, осталось для него благомъ и послѣ грѣхопаденія его? Нѣтъ, оно обратилось для него въ тягость, жизнь стала для него томленіемъ и такое томленіе продолжалось съ грѣшнымъ человѣчествомъ до того священнаго дня, въ который Господь даровалъ человѣку новыя безцѣнныя блага воскресеніемъ Своимъ. Поэтому то священный день воскресенія Христова настолько дороже для христіанина ветхозавѣтной субботы, насколько блага, дарованныя ему воскресеніемъ Христовымъ, дороже благъ, дарованныхъ чрезъ твореніе и утраченныхъ грѣхопаденіемъ, насколько царство небесное съ его вѣчными и неизреченными благами дороже земнаго блаженства.

Вотъ почему св. апостолы и вся церковь Христова, по воскресеніи Христовомъ, стали посвящать на служеніе Богу, вмѣсто субботы, день воскресенія Христова. Апостолы, услышавъ отъ св. женъ мироносицъ радостную вѣсть о воскресеніи Христовомъ, вѣсть, подтвержденную и нѣкоторыми изъ апостоловъ, поспѣшили собраться въ тотъ же день вечеромъ, чтобы подѣлиться другъ съ другомъ этой

радостной вѣстью и возблагодарить за нее Бога общимъ единодушнымъ славословіемъ. Господь, явленіемъ Своимъ среди апостоловъ, благоволилъ освятить ихъ молитвенное собраніе. Поощренные явленіемъ Господа, св. апостолы и въ слѣдующій первый день недѣли, освященный воскресеніемъ Христовымъ и явленіемъ имъ воскресшаго Господа, также собрались на молитву, для служенія Богу, и опять Господу угодно было явленіемъ Своимъ среди нихъ освятить ихъ молитвенное собраніе. Съ тѣхъ поръ св. апостолы каждую недѣлю стали собираться для служенія Богу не въ субботу, а въ священный для нихъ день воскресенія Христова. Когда же и даръ Духа Святаго получили они въ сей же священный для нихъ день, то день этотъ сталъ для нихъ неизмѣримо выше, важнѣе, священнѣе ветхозавѣтной субботы, и празднованіе субботы замѣнено было празднованіемъ воскреснаго дня.

Въ 20 гл. книги Дѣяній св. апостоловъ, въ стихахъ 6 и 7, находится свидѣтельство о томъ, что обычай св. апостоловъ собираться на служеніе Богу въ день воскресный, а не въ субботу, при жизни апостоловъ утвердился во всей церкви Христовой. Въ указанномъ мѣстѣ священной книги говорится, что св. ап. Павелъ, отплывши изъ г. Филиппъ, прибылъ съ своими спутниками въ г. Троаду, гдѣ они и пробыли семь дней. „*Въ первый же день недѣли, когда ученики* (Христовы) *собрались для преломленія хлѣба, Павелъ, намѣреваясь отправиться въ слѣдующій день, бесѣдовалъ съ ними и продолжалъ слово до полуночи*“.

Думаю, бр., вы понимаете, для какого это преломленія хлѣба собрались троадскіе христіане вмѣстѣ съ ап. Павломъ и его спутниками. Вы знаете, что у христіанъ временъ апостольскихъ, какъ и у васъ теперь, преломленіемъ хлѣба называлось важнѣйшее богослуженіе, на которомъ совершалось святѣйшее таинство причащенія тѣла и крови Христовыхъ. Объ этомъ-то важнѣйшемъ христіанскомъ богослуженіи и говорится въ 7-мъ стихѣ 20-й главы книги Дѣяній апостольскихъ. А такое богослуженіе у тогдашнихъ христіанъ совер-

шалось въ первый день недѣли, т. е. день послѣ субботы или воскресный. Шесть дней драгоцѣннаго для апостола времени св. апостолъ Павелъ съ своими спутниками оставался въ Троадѣ, чтобы день воскресный со всѣми троадскими христіанами посвятить на служеніе Богу.

Значитъ, суббота уже утратила для христіанъ значеніе богослужебнаго дня, если они, минуя этотъ день, собираются для богослуженія въ послѣ-субботній, т. е. воскресный день. Если бы суббота для христіанъ временъ апостольскихъ по прежнему оставалась богослужебнымъ днемъ, то, несомнѣнно, троадскіе христіане собрались бы для преломленія хлѣба, т. е. для важнѣйшаго богослуженія, въ субботу, а не на другой день послѣ нея. Очевидно, что празднованіе субботы уже во времена апостольскія и, несомнѣнно, самими апостолами замѣнено было празднованіемъ свѣтлаго дня воскресенія Христова. При замѣнѣ этой ихъ не смущала ветхая буква 4-ой заповѣди, какъ васъ теперь она смущаетъ. Просвѣщенные Духомъ Святымъ, апостолы и первые христіане знали, что *суббота* (какъ и весь ветхій завѣтъ)—*это есть* только *тѣнь будущаго, а тѣло* (дававшее эту тѣнь)—*во Христѣ*" (Кол. 2, 16—17) и въ Его великомъ дѣлѣ—спасеніи человѣчества, вѣнецъ же этого дѣла—Его славное воскресеніе.

Священникъ *Василій Стрижевскій.*

Изъ прошлаго Кіевской епархіи.

—

Кончина, погребеніе и завѣщаніе преосв. Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго, митрополита Кіевскаго. Преосв. Гедеонъ недолго управлялъ Кіевскою митрополіею—епархіею. Онъ скончался *8 апрѣля* 1690 года. [1]) 23 апрѣля того же

---

[1]) А не *6 апрѣля*, какъ сказано у м. Евгенія въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора (стр. 108). 8 апрѣля 1690 года Кіевскій сотникъ Иванъ Бутримъ писалъ Кіевскому полковнику Григорію Карповичу:

года гетманъ Иванъ Мазепа донесъ въ Москву о смерти митрополита, причемъ просилъ правительство дать ему необходимыя указанія и сдѣлать распоряженія касательно погребенія умершаго митрополита и выбора преемника ему. О томъ же самомъ просило и духовенство кіевское, во главѣ съ Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ. [2]) Изъ Москвы послѣдовало распоряженіе на имя Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича и Кіево-Печерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго съ прочимъ „церковнымъ причтомъ" объ избраніи, по соглашенію съ гетманомъ, новаго митрополита, который, послѣ своего посвященія, и долженъ былъ „погребсти по древнимъ церковнымъ обычаемъ тѣло преставлшагося митрополита".

Такимъ образомъ, согласно прямой царской волѣ, погребеніе почившаго архипастыря, преосв. Гедеона, должно было совершиться послѣ избранія и посвященія новаго Кіевскаго митрополита и именно этимъ послѣднимъ. Между тѣмъ, выборы новаго митрополита въ Кіевѣ затянулись. Кромѣ необходимо медленной переписки между Кіевомъ и Москвою по этому дѣлу и нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ, замедленіе произошло еще отъ того, что возбужденъ былъ вопросъ о томъ, нужно или не нужно было къ участію въ выборахъ митрополита привлекать заграничное (польское) православное духовенство Кіевской митрополіи—епархіи. Только 1 іюня 1690 года совершилась „элекція" митрополита, каковымъ былъ избранъ, какъ и предполагалось, Кіево-Печерскій архимандритъ Варлаамъ Ясинскій.

„вѣдомо чинимъ вашей господской милости, что преосвященный его милость Гедеонъ Святополкъ, митрополитъ Кіевской, апрѣля *8-го* в недѣлю по обѣде Богу духъ отдалъ"... Полковникъ, въ свою очередь, 9 апрѣля изъ Козельца донесъ объ этомъ гетману, который находился тогда внѣ Кіева. См. Архивъ Министерства Юстиціи въ Москвѣ Малорос. приказа книга 59 л. л. 48—49.

[1]) См. Арх. Мин. Юст. Малорос. приказа кн. 59 л. л 110 об.—122 об.

По случаю происходившихъ 1 іюня 1690 года выборовъ новаго митрополита, въ Кіевѣ собрался весьма многочисленный „соборъ" малороссійскаго духовенства во главѣ съ Черниговскимъ архіепископомъ Лазаремъ Барановичемъ. Здѣсь же присутствовалъ тогда и малороссійскій гетманъ И. С. Мазепа съ своею „старшиною". На соборѣ, вслѣдъ же за избраніемъ митрополита былъ возбужденъ вопросъ о времени погребенія почившаго архипастыря, тѣло котораго до тѣхъ поръ, согласно царской грамотѣ, оставалось еще непогребеннымъ. Принявъ во вниманіе, что „приспѣла большая теплота лѣтняя, въ которой тѣло умершаго долго держать отнюдь невозможно", на соборѣ рѣшили совершить погребеніе тѣла м. Гедеона Святополкъ-Четвертинскаго теперь же. Согласно такому рѣшенію, 4 іюня 1690 года совершили погребеніе тѣла почившаго архипастыря преосв. Лазарь Барановичъ, Черниговскій архіепископъ, съ двумя греческими архіереями (Никодимомъ и Хрисанѳомъ), тремя архимандритами (Кіево-Печерскимъ, Черниговскимъ и Новгородсѣверкимъ) и прочимъ многочисленнымъ духовенствомъ—монашествующимъ и бѣлымъ. [1])

Преосв. Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій оставилъ послѣ себя духовное завѣщаніе, которое, по его просьбѣ, было написано ему Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Варлаамомъ Ясинскимъ 21 марта 1690 г. Своими душеприкащиками онъ назначилъ того же архим. Варлаама Ясинскаго, гетмана Ивана Мазепу и еще трехъ лицъ изъ числа Кіевскаго духовенства. [2])

Кромѣ начала, имѣющаго общій характеръ, завѣщаніе содержитъ въ себѣ волю умиравшаго архипастыря касатель-

---

[1]) См. тамъ же Малорос. приказа кн. 59 л. л. 301—304.

[2]) См. Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Малорос. дѣла 1690 г. д. № 19 ср. Библіотека Кіево-Соф. соб. (по описанію Н. И. Петрова) рукоп. № 430 (655). Отд. I л. л 123—128 ср. у м. Евгенія. Описаніе Кіево-Софійскаго собора. Прибавленія № 23 стр. 114—120.

но распредѣленія его имущества. Значительнѣйшую часть своихъ денежныхъ средствъ преосв. Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій завѣщалъ Кіевскимъ монастырямъ и церквамъ, въ особенности своему каѳедральному Кіево-Софійскому монастырю, о которомъ онъ столько заботился при жизни и въ которомъ указалъ мѣсто для погребенія своего тѣла (въ придѣлѣ, гдѣ находилась гробница храмоздателя и вмѣстѣ предка преосв. Гедеона—в. к. Ярослава Мудраго). Меньшую часть своихъ средствъ—денегъ и имущества преосв. Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій отказалъ своимъ родственникамъ и близкимъ къ нему людямъ.

Можно здѣсь упомянуть, что одинъ изъ родственниковъ почившаго архипастыря, его племянникъ кн. Юрій Святополкъ-Четвертинскій, мужъ дочери бывшаго гетмана Ивана Самойловича, возбудилъ было предъ Московскимъ правительствомъ ходатайство о передачѣ имущества преосв. Гедеона ему, какъ наслѣднику. Правительство поручило м. Варлааму Ясинскому разслѣдовать дѣло объ имуществѣ умершаго архипастыря. Допрошенные м. Варлаамомъ Ясинскимъ слуги почившаго архипастыря и близкія къ нему лица не подтвердили свидѣтельства кн. Юрія Святополкъ-Четвертинскаго, будто преосв. Гедеонъ „вывезъ съ собою изъ Луцка много пожитковъ“. Они засвидѣтельствовали, что имѣвшіяся у него средства преосв. Гедеонъ употреблялъ преимущественно на дѣла благотворительности, или же раздавалъ своимъ роднымъ, особенно кн. Юрію Святополкъ-Четвертинскому. [1])

Епархіальная хроника.

Заупокойное богослуженіе. Въ виду того, что 1 марта—день мученической кончины Императора Александра II—въ

[1]) См. Московскій архивъ Министерства Юстиціи Малорос. приказа кн. № 61 л. л. 86—89 об. и 555 об.—565 об.

нынѣшнемъ году пришелся на вторникъ первой недѣли Великаго поста, заупокойное богослуженіе перенесено было на 26 февраля—субботу сыропустную. Въ этотъ день въ каѳедральномъ соборѣ, по окончаніи заупокойной литургіи, преосвященными—Платономъ, епископомъ Чигиринскимъ, и Агапитомъ, епископомъ Уманскимъ, въ сослуженіи соборнаго и градскаго духовенства, совершена была панихида. Молитвенное поминовеніе совершалось о въ Бозѣ почившихъ Императорахъ—Александрѣ II и Александрѣ III, новопреставленномъ Великомъ Князѣ Сергіи Александровичѣ и о воинахъ, на полѣ брани убіенныхъ.

Годичное собраніе Кіевскаго отдѣла Общества ревнителей историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. 26 февраля, по окончаніи литургіи въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ митрополичьихъ покояхъ при каѳедральномъ соборѣ происходило собраніе членовъ названнаго учрежденія, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Платона, епископа Чигиринскаго. Послѣ молитвы „Царю Небесный“, исполненной хоромъ пѣвчихъ, профессоромъ Кіевской дух. Академіи В. З. Завитневичемъ предложена была прекрасная рѣчь о земскихъ соборахъ въ древней Россіи. Послѣ рѣчи провозглашено многолѣтіе Государю Императору Николаю Александровичу. Затѣмъ учителемъ В. П. Родниковымъ въ краткой рѣчи дана была историческая справка о посѣщеніи Кіева Императоромъ Александромъ III въ 1885 г.

По окончаніи этой рѣчи, возглашена была вѣчная память въ Бозѣ почивающему Императору Александру III. Въ заключеніе Преосвященный Платонъ выразилъ благодарность профессору В. З. Завитневичу за его живую, научную, прекрасную рѣчь и г. В. П. Родникову за данную имъ справку изъ жизни Императора Александра III.

Собраніе окончилось въ половинѣ второго часа дня.

✝

Памяти священника А. И. Бариловича.

19-го сентября 1904 г. тихо скончался, на 76-мъ году жизни, заштатный священникъ Александръ Ивановичъ Бариловичъ. Священствовалъ онъ безъ малаго 50 лѣтъ,—съ 1856 года по 1903 годъ; удалился за штатъ по слабости здоровья и жительствовалъ въ послѣдніе годы у своего зятя, священника с. Новоселокъ Липовецкаго уѣзда.

Покойный о. Александръ, по окончаніи курса въ Кіевской духовной семинаріи, могъ бы, какъ городской житель (отецъ его былъ діакономъ въ Кіевской Рождество-Богородичной церкви) пристроиться на службу въ Кіевѣ, но онъ пожертвовалъ удобствами городской жизни, и полный энергіи и желанія послужить меньшимъ братьямъ, пошелъ въ село, къ сѣренькимъ мужичкамъ, объятымъ, особенно тогда, мракомъ умственнаго и нравственнаго невѣжества и изнывавшимъ отъ своеволія панщины. Самъ бѣднякъ, онъ и женился на бѣдной сиротѣ, получивъ „въ приданое" такой приходъ, который, можно сказать навѣрное, не былъ бы занятъ теперешними разсудительными кандидатами священства, если бы и теперь существовала практика оставленія приходовъ за сиротками-дочерями умершихъ священниковъ. Приходъ этотъ Сухой-Яръ, Таращанскаго уѣзда. Одно названіе можетъ показать, каковъ этотъ приходъ. Жена покойнаго о. Александра была одарена доброй душой; это была одна изъ тѣхъ матушекъ, которыя *„знамя матушекъ-хозяекъ держали высоко и твердою рукою"*.

Жалованье тогда получалось такъ: причтами большихъ приходовъ—больше, а причтами малыхъ приходовъ меньше; такъ что на долю сященника Сухого Яра приходилось 70 рублей въ годъ.

Но не ужаснулся о. Александръ своего положенія и не спѣшилъ уходить въ другое мѣсто. „Не мудрено", говорилъ

онъ, „священствовать въ приходахъ многолюдныхъ, съ выгодами и удобствами; въ такихъ приходахъ согласится служить всякій. А кто послужитъ въ такихъ, какъ Сухой Яръ? Вѣдь и здѣсь люди, и здѣсь участочекъ обширной нивы Христовой, на которой долженъ быть отъ Господа поставленный дѣлатель". Вѣруя, что всякому жребій отъ Господа, о. Александръ остался въ Сухомъ Яру и служилъ 25 лѣтъ съ лишнимъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ своими прихожанами и замѣчательно дружескихъ—пріятельскихъ съ своими сосѣдями сослуживцами. Въ эту же пору онъ 12 лѣтъ служилъ депутатомъ отъ духовенства своего округа.

Будучи нестяжательнымъ и зная по опыту бѣдность съ ея лишеніями, о. Александръ довольствовался тѣми скудными приношеніями, которыя доброхотно давали ему за труды его прихожане, при совершеніи требъ. За свое усердіе въ совершеніи богослуженій, за свою доступность и простоту въ обращеніи съ прихожанами, за свое непамятозлобіе онъ былъ и въ любви, и въ уваженіи, и въ похваленіи отъ своихъ прихожанъ, которые все свое благорасположеніе и свою благодарность выражали, чѣмъ только могли: урожаи, какіе уже тамъ были, собирали и свозили въ токъ съ большой охотой и безъ всякой платы; съ удовольствіемъ отпускали своихъ дѣтей прислугой къ батюшкѣ, даже и тогда, когда онъ былъ уже въ Скибинцахъ; даже разбирали на расхватъ овецъ на зиму, одинаково съ своими ихъ досматривали, кормили и весной приводили къ батюшкѣ съ приплодомъ, и за это праздниками Пасхи были почти всей громадой въ гостяхъ у него; и онъ съ радушіемъ принималъ ихъ, угощалъ, чѣмъ Богъ послалъ, и велъ съ ними оживленную бесѣду, на которую онъ былъ всегда находчивъ.

И такъ онъ жилъ съ ними, какъ говорится душа въ душу. Къ слову сказать, теперь въ Сухомъ Яру не то: за двадцать лѣтъ съ лишнимъ, тамъ уже 6 священниковъ, да и прихожане не того духа: при одномъ изъ этихъ священниковъ эти прихожане тоже пожаловали почти всей гро-

мадой къ своему батюшкѣ, но не въ гости, а чтобы установить таксу за требоисправленіе. Чѣмъ это объяснить,—неизвѣстно, но только священникъ тотъ къ такой демонстраціи повода не давалъ ни малѣйшаго.

При воспитаніи дѣтей, о. Александра постигло великое горе: его старшій сынъ, ученикъ 3 класса Уманскаго духовнаго училища, за участіе въ забавѣ съ ружьемъ—забавѣ, окончившейся смертію отъ выстрѣла изъ этого ружья одного изъ воспитанниковъ, былъ среди трети уволенъ изъ училища. (Участіе его выразилось въ томъ, что онъ сбѣгалъ за „пистонами"). Ударъ былъ для о. Александра и сильный и неожиданный. Прежде всего, онъ съ отцовскою любовью успокоилъ ласково своего перепугавшагося до смерти сына, а потомъ, возвергши печаль свою на Господа, пошелъ просить помощи у людей, гдѣ только можно было. Но ни правленіе училища, ни епископъ, ни синодальный ревизоръ духовныхъ училищъ, бывшій въ то время въ Кіевѣ, не помогли ему; только Учебный Комитетъ склонился на его просьбу, сдѣлавши распоряженіе правленію Уманскаго Духовнаго Училища о принятіи опять въ училище сына о. Александра. „Слава Тебѣ, Господи! сказалъ, крестясь, о. Александръ, я вѣрилъ, что такъ будетъ". Сынъ былъ принятъ въ училище опять, и вмѣстѣ съ своимъ братомъ окончили успѣшно и училище, и семинарію, и теперь по другому десятку лѣтъ священствуютъ.

Самъ лично о. Александръ хотѣлъ остаться на всю свою жизнь въ Сухомъ Яру; но его семья, замѣчая свои нужды и лишенія больше, чѣмъ самъ онъ, послѣ частыхъ приступовъ и просьбъ, уговорили, наконецъ, подать прошеніе о перемѣщеніи. Просимое перемѣщеніе получено. Но куда? Въ Голодьки, Таращанскаго уѣзда, приходъ такой же, какъ и Сухой Яръ. Опять просьбы со стороны семьи. Упросили о. Александра ѣхать и лично просить Владыку, чтобы оставилъ на прежнемъ мѣстѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, не допустить того разоренія, которое неизбѣжно при перемѣщеніи. Почившій владыка Платонъ сдѣлалъ выговоръ о.

Александру за его промахъ; обѣщалъ дать другой приходъ, но не возвратилъ его въ Сухой Яръ. Вскорѣ по просьбѣ о. Александръ назначенъ былъ въ с. Скибинцы, Таращанскаго уѣзда,—приходъ съ неудобствами, между которыми самое большое—отдаленность церкви отъ дома священника. Въ этомъ приходѣ о. Александръ служилъ больше 20 лѣтъ, отдавая всего себя до послѣднихъ силъ службѣ въ храмѣ Божіемъ и приходѣ.

Любилъ покойный и школу. Въ Сухомъ Яру на первыхъ порахъ пріютилъ ее даже у себя въ кухнѣ. Въ Скибинцахъ также школу посѣщалъ: гладилъ по головкамъ школьныхъ ребятъ; говорилъ имъ, чтобы слушались своего учителя и учили свои книжечки, расписывался въ журналѣ, что посѣщалъ школу и уходилъ. И такого рода посѣщенія приносили свою пользу: они ободряли школьную дѣтвору и замѣтно развивали въ ней охоту къ посѣщенію школы. Другого отношенія къ школѣ, по своему нездоровью, онъ не могъ проявлять.

Въ послѣдніе годы своего священства въ Скибинцахъ онъ состоялъ окружнымъ духовникомъ. Послѣднюю іерейскую награду получилъ—наперсный крестъ.

За штатомъ былъ о. Александръ всего годъ и одинъ мѣсяцъ. Въ послѣдній годъ своей жизни онъ предался любимому своему душеспасительному занятію—продолжительной усердной молитвѣ. Большую часть дня онъ всегда проводилъ въ молитвѣ, чтеніи іерейскихъ правилъ, акаѳистовъ и той или другой части св. библіи. Изрѣдка, впрочемъ, онъ интересовался вопросами и событіями текущаго времени. Въ такихъ случаяхъ иногда его душевное спокойствіе нарушалось.—Не разъ онъ спрашивалъ: „скажите, ради Бога, кому это и для чего нужно было издавать законы о необязательномъ празднованіи воскресныхъ и праздничныхъ дней? Для чего это въ законахъ преступленіе святотатства низвели на степень обыкновеннаго воровства? Для чего это разведеннымъ прелюбодѣямъ предоставлено право вновь всту-

пать въ бракъ? Зачѣмъ все это, и какія хорошія послѣдствія сего?“ Я объяснялъ старику, какъ понималъ, но онъ говорилъ: „нѣтъ, это не то!. Впрочемъ, гдѣ мнѣ, старику, понять все это, какъ слѣдуетъ? Да къ тому же наша пѣсня спѣта; а вотъ вы, наши преемники, бдите и молитесь“, заканчивалъ онъ.

1-го сентября 1904 г. онъ слегъ въ постель. Болѣзнь переносилъ съ удивительнымъ терпѣніемъ; все время молился, полагая на себѣ крестное знаменіе. За недѣлю до смерти у окружного духовника исповѣдывался и пріобщался Св. Таинъ, соборовался, и 19-го сентября въ 8 часовъ вечера, при чтеніи канона на исходъ души, со вложенною въ руку страстной свѣчей тихо почилъ.

Отпѣваніе происходило 21 сентября, послѣ заупокойной литургіи,—при участіи 7 священниковъ и одного діакона. Предъ отпѣваніемъ зятемъ почившаго была сказана слѣдующая рѣчь. Совершилась о тебѣ, дорогой отецъ нашъ, воля Господня. Мы, твои дѣти, у гроба твоего. Еще какой нибудь часъ, и мы разлучимся съ тобою въ мірѣ семъ на вѣки. Видя, съ какой силой недугъ охватилъ всѣ члены твоего старческаго тѣла, можно было предвидѣть этотъ роковой для тебя исходъ; можно было привыкнуть-освоиться съ мыслію о скорой разлукѣ съ тобой, и освоившись, можно было не печалиться и не скорбѣть теперь. Но и теперь печаль наша велика, и скорбь наша тяжка,—и это отъ того, что мы, дѣти твои, лишились въ тебѣ предобраго и горячо любящаго насъ отца. Многимъ извѣстно, что ты, будучи крайне бѣденъ, всѣми силами старался дать образованіе своимъ дѣтямъ, наравнѣ съ людьми состоятельными. При непріятностяхъ, при одномъ несчастіи, которое тебя постигло, при воспитаніи въ училищѣ дѣтей, ты не укорялъ, не огорчалъ ихъ, какъ виновниковъ своего и ихъ несчастія, что сдѣлали бы многіе, но съ любящимъ сердцемъ успокоивалъ и ободрялъ ихъ, а самъ, возлагая надежду на Господа, всѣ мѣры предпринималъ, чтобы довершить ихъ образованье. И Богъ тебѣ помогъ: цѣль давно

достигнута; дѣти получили образованіе, и, по волѣ Божьей, здравствуютъ и въ настоящее время окружаютъ гробъ твой, дорогой отецъ.

Лично о себѣ скажу, что, не будучи еще въ родствѣ съ тобою, я, отъ первой встрѣчи, полюбилъ тебя, какъ родного отца. Твоя простота въ обращеніи, открытость добраго твоего сердца, щедрость въ хлѣбосольствѣ, твои рѣчи, хоть не по ученому сложенныя, но учащенныя поговорками, выражающими истины жизни, твоя жизнерадостность—все это, можно сказать, отъ одного разу плѣнило всего меня; и такое же пріятнѣйшее воспоминаніе о тебѣ имѣлъ всякій тотъ, кто хоть разъ когда нибудь встрѣчался съ тобою. А потому и знаемые твои и чада духовныя, узнавъ о твоей кончинѣ, не мало будутъ скорбѣть, и особенно тѣ, ихъ же далъ тебѣ Господь первыми. При крайней своей бѣдности, ты у этихъ первыхъ своихъ чадъ духовныхъ, также бѣдняковъ, послужилъ 25 лѣтъ, будучи для нихъ всегда добрымъ пастыремъ. Это ли не подвигъ! Прилежа добрѣ пастырскому служенію, безъ малаго полвѣка, ты свято-напутствованный теченіе своей 75 лѣтней жизни мирно скончалъ. Кончина твоя послѣдовала въ то время, когда церковь не окончила еще чествованія креста Господня, послѣ воспоминанія его всемірнаго воздвиженія, и вѣщаетъ намъ словами Господа: „Иже хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ“ (Марк. 8, 3—4). Крестъ свой жизненный, посылаемый тебѣ Господомъ, не смотря ни на какую его тяжесть, ты безропотно несъ и донесъ его до конца дней своихъ. Находясь уже на смертномъ одрѣ, ты непрерывно день и ночь осѣнялъ себя знаменіемъ креста. Читалъ—„Не имамы иныя помощи“... и „Въ молитвахъ неусыпающую“... Взывалъ и къ угодникамъ Божіимъ и въ особенности къ преподобному Серафиму Саровскому. И Сынъ Божій, по ходатайству Своей Пречистой Матери и Святыхъ Своихъ, послалъ тебѣ кончину малоболѣзненную, тихую и безмятежную. Молю васъ, отцы и братія, помолитесь и вы, чтобы Господь

упокоилъ его душу; чтобы Онъ ввелъ его въ Свое Царство, въ царство покоя, гдѣ стерта всякая слеза съ очей, гдѣ нѣтъ уже смерти, плача, ни жалобы, ни скорби (Апок. 21, 4), гдѣ души находятся въ рукахъ Божіихъ".

Священникъ села Сабаровки о. Леонидъ Крыжановскій послѣ шестой пѣсни канона почтилъ почившаго произнесеніемъ надгробнаго поученія о томъ, что смерть нашихъ присныхъ есть только временная для насъ съ ними разлука, а потому намъ при этой разлукѣ не слѣдуетъ предаваться безутѣшной скорби.

Это погребеніе было цѣлымъ церковнымъ событіемъ въ такой глуши, какъ наше село. Была горячая рабочая пора для крестьянъ по уборкѣ свеклы съ экономической плантаціи. День этотъ для нашихъ крестьянъ, сильно пострадавшихъ въ томъ году отъ градобитія, былъ дорогъ. Но весьма многіе пожертвовали своимъ дневнымъ заработкомъ для того только, чтобы быть на этомъ погребеніи. Полное освѣщеніе церкви, согласное перемѣнное пѣніе сонма іереевъ и пѣвчихъ на клиросѣ, масса молящихся съ зажжеными въ рукахъ свѣчами,—все это представляло невиданную у насъ величественную церковную картину и вмѣстѣ съ тѣмъ душевно-умилительную. Погребенъ покойный на церковномъ погостѣ. Скажемъ отъ его имени: „братія мои, и чада, и друзи мои, не забывайте мя, егда молитеся ко Господу" (Чинъ погребенія священниковъ).

Священнникъ *Митрофанъ Тихоневичъ*.

✝

Священникъ І. М. Костенко.

(*Некрологъ*).

4 сентября 1904 г. волею Божіею почилъ отъ тяжкой болѣзни, на 55 году жизни, священникъ села Синявки, Каневскаго уѣзда, *Іоаннъ Моисеевичъ Костенко*. Не стало скром-

наго, симпатичнаго пастыря, беззавѣтнаго труженника! Сообщаемъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ.

Въ Бозѣ почившій о. Іоаннъ родился въ 1850 г.; окончилъ Кіевскую духовную семинарію съ званіемъ студента въ 1871 году и въ слѣдующемъ 1872 году митрополитомъ Арсеніемъ рукоположенъ въ санъ священника къ Рождество-Предтеченской церкви того самаго прихода, въ которомъ и кончилъ дни свои.

Болѣе тридцати двухъ лѣтъ прослужилъ о. Іоаннъ; исправлялъ послѣдовательно обязанности: духовнаго слѣдователя, члена благочинническаго совѣта и благочиннаго (3 округа, Каневскаго уѣзда); трудился всегда усердно, неустанно.

Онъ былъ пастырь добрый и истинный духовный отецъ своихъ пасомыхъ, которыхъ онъ сдѣлалъ своими истинными чадами по благодати, воспитывая ихъ въ страхѣ Божіемъ, поучая вѣрѣ и жизни—и въ храмѣ, и въ школѣ. Особенно дорого было его благоговѣйное, простое, но величественное богослуженіе.

Всѣ бывшіе прихожане почившаго чувствуютъ въ глубинѣ опечаленныхъ сердецъ, что понесли незамѣнимую утрату и съ благодарнымъ уваженіемъ сохраняютъ въ своихъ молитвенныхъ воспоминаніяхъ строгій ликъ почившаго незабвеннаго пастыря и его завѣты.

Пусть Тотъ, престолу Котораго предстоялъ почившій вѣрою и надеждою долгіе годы,—даруетъ ему вѣчное блаженство на небѣ; здѣсь же на землѣ пребудетъ о немъ добрая память.

Библіографическая замѣтка.

Михаилъ Авксентьевъ и А. Н. Дружининъ. Правда о русскихъ евреяхъ.

Кіевъ. 1904 г.

Недавно небезъизвѣстный въ Кіевскомъ мірѣ адвокатуры г. Л. Куперникъ написалъ брошюру—„Еврейское цар-

ство". Какъ отвѣтъ на брошюру г. Куперника, съ цѣлью раскрыть эту „литературную мистификацію по еврейскому вопросу", и написана брошюра г.г. Авксентьевымъ и Дружининымъ. Въ текущей періодической печати и отдѣльными изданіями появляется немало работъ по еврейскому вопросу но вышеприведенныя брошюры остановили на себѣ особенное наше вниманіе, какъ по постановкѣ затронутыхъ ими вопросовъ, такъ и по оригинальности ихъ рѣшенія. Нашему кіевскому, какъ вообще и всему пастырству района черты еврейской осѣдлости, volens nolens, очень часто приходится имѣть много, такъ сказать, „касательства" съ живущимъ среди насъ еврействомъ. При этомъ идеи сіонизма, проникшія во всѣ уголки еврейства, положительно не могутъ и не должны быть замалчиваемы пастыремъ, особенно въ настоящее смутное время, когда чуть ли не вся пресса перешла въ юдофильскія, а то и прямо въ еврейскія руки, когда всякая корреспонденція принимаетъ окраску, благожелательную яко бы гонимымъ и обездоленнымъ національностямъ и въ порицаніе всему чисто русскому. Недавніе погромы евреевъ, бѣгство ихъ заграницу отъ мобилизаціи, передовое участіе во всякихъ безпорядкахъ,—все это темы, которыя жизнь настойчиво предлагаетъ и, за разрѣшеніемъ ихъ, прихожане зачастую прямо обращаются къ своему пастырю. Вотъ гдѣ книжка „Правда о русскихъ евреяхъ" очень кстати. Здѣсь исторически послѣдовательно и вполнѣ объективно, на основаніи памятниковъ, сдѣланъ краткій обзоръ исторіи евреевъ со времени разрушенія Іерусалима и до „днесь", довольно ярко иллюстрировано ихъ отношеніе къ пріютившимъ государствамъ и народностямъ; современное положеніе и желательныя мѣры, могущія способствовать рѣшенію еврейскаго вопроса. Вотъ почему, при краткости, популярности и недорогой цѣнѣ, книжка: „Правда о русскихъ евреяхъ" достойна вниманія нашего духовенства, которому мы рекомендуемъ ее.

Священникъ *Константинъ Кмита.*

Объявленія.

Воззваніе.

Въ 4-хъ верстахъ отъ г. Новаго Харбина находится новое городское кладбище. Оно открыто для Новаго и Стараго города и для Пристани. Кладбище это въ настоящее военное время служитъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія и для тѣхъ нашихъ воиновъ, которые скончались отъ ранъ и болѣзней въ Харбинѣ—въ лазаретахъ всѣхъ общинъ Краснаго Креста, въ Дворянскомъ и Земскихъ отрядахъ и въ другихъ госпиталяхъ. Такимъ образомъ, на здѣшнемъ кладбищѣ погребены тѣла умершихъ людей, закинутыхъ въ Маньчжурію, со всѣхъ концовъ Россіи и Сибири.

Причтомъ получаются изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Россіи письма, омоченныя слезами, съ просьбами отыскать могилу нѣжно-любящихъ отцовъ и сыновей, похороненныхъ въ Харбинѣ, и отслужить на могилахъ ихъ панихиды. Получаются письма и отъ старцевъ-родителей, розыскивающихъ могилу единственной, дорогой ихъ сердцу, дочери, уѣхавшей съ мужемъ въ Маньчжурію и тамъ оставленной своимъ мужемъ. Больная, въ послѣднемъ періодѣ чахотки, имѣя на своихъ рукахъ малолѣтняго сына, она попадаетъ въ больницу, гдѣ и умираетъ на рукахъ чужихъ людей. Чужіе люди холодно хоронятъ бѣдную, неизвѣстную имъ женщину. А тамъ—въ Россіи—доживающіе свой вѣкъ старцы-родители, не имѣя возможности совершить 10.000 верстъ въ Харбинъ, предаются безутѣшной скорби о безвременной кончинѣ ихъ нѣжно-любимой дочери. Могила, чуждая для другихъ, остается затерянной между подобными же могилами; не проложитъ къ ней путь родная нога.

Пройдутъ года,—скорби и горе человѣческое забудется, забудутся могилы, затеряются надписи на крестахъ. А на кладбищѣ безмолвно: нѣтъ тамъ храма,—нѣтъ и молитвы. А между тѣмъ сердце жаждетъ молитвы именно на кладбищѣ, гдѣ все говоритъ о ничтожествѣ и тлѣнности земной жизни.

Сознавая настоятельную необходимость въ храмѣ Божіемъ на кладбищѣ, причтъ и староста Св. Николаевской церкви обратились къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Иннокентію, Епископу Переяславскому, съ просьбою благословить и разрѣшить открыть при церкви Новаго Харбина пріемъ доброхотныхъ пожертвованій на построеніе кладбищенскаго каменнаго храма въ г. Новомъ Харбинѣ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы. На сдѣланное представленіе послѣдовало Архипастырское разрѣшеніе Его Преосвященства.

Открывая нынѣ пріемъ пожертвованій на построеніе перваго кладбищенскаго храма въ центрѣ Маньчжуріи, причтъ и староста, въ надеждѣ на всегдашнюю отзывчивость русскихъ людей, радѣющихъ о построеніи храмовъ Божіихъ, обращаются ко всѣмъ православнымъ христіанамъ съ убѣдительнѣйшею просьбою не отказать своими посильными пожертвованіями на построеніе въ Новомъ Харбинѣ кладбищенскаго храма, въ которомъ будутъ возноситься молитвы о вѣчномъ упокоеніи, какъ всѣхъ павшихъ въ настоящей войнѣ воиновъ, такъ и всѣхъ почившихъ на кладбищѣ православныхъ христіанъ.

Пожертвованія принимаются: *въ г. Новомъ Харбинѣ, причтомъ и старостой Св. Николаевской Ново-Харбинской церкви.*

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Содержаніе: Современная жизнь русскаго народа и пастырскій долгъ духовенства.—Къ вопросу о томъ, какъ относиться духовенству къ злободневной дѣйствительности.—Къ вопросу о „выборѣ священника".—Миссіонерскій отдѣлъ.—Изъ прошлаго Кіевской епархіи.—Епархіальная хроника.—Библіографическая замѣтка.—Объявленія.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурнаго Комитета печатать дозволяется
3 марта 1905 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра,
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.